

Pekka Pesonen
(University of Helsinki)

Советская литература в Финляндии

В поле моего внимания будет находиться восприятие в Финляндии той литературы, которую принято называть советской, причем в фокусе будет находиться именно литература русская – и только о киргизе Айтматове в этом контексте умолчать невозможно.¹

Кроме того, мой взгляд будет иметь публицистически-социологический характер, скорее полемический, нежели научный, с довольно прямолинейным пониманием политики. Следует также оговорить, что я буду рассматривать восприятие литературы вне теории рецептивной эстетики. Факты, на которых я буду останавливаться, я позволю себе, когда это необходимо, субъективно окрашивать.

Русская литература советского периода – и советская, и эмигрантская, и диссидентская – воспринималась в Финляндии прежде всего как общественно-политическая информация. Основную задачу литературы видели, следуя за русской традицией, в проповеди истины, а истина по своему существу всегда была склонной к политическим нуждам и текущей конъюнктуре. Советскую литературу читали, как и следовало ее читать, то есть как свидетельство о гражданской войне, строительстве социализма, отчужденности молодежи, об ужасах сталинских лагерей или о распространенности наркотиков и проституции в России. Что в этом удивительного? Конечно, и финская литература интересна как информация о финской гражданской войне, финской проституции или жизни Маннергейма.

Этот, несомненно, самый распространенный взгляд на литературу объясняется взаимосвязью литературы и политики. Выбор произведений для переводов и восприятие чужих литератур в целом зависят от этой взаимосвязи, а конъюнктура советской литературы в Финляндии

---

¹ О переводах русской литературы на финский язык см. библиографию Hellman (2008); об истории переводов Pesonen (2003, 70–98) и Jänis & Pesonen (2007a, 189–205).

особенно. Этот тезис и есть главный повод говорить на эту тему даже здесь и еще сегодня.

Рассмотрение восприятия советской литературы надо начинать с 20-х годов.² В то время финская культурная элита была крайне неблагоприятно настроена ко всей русской культуре. Даже классиков переводили и публиковали сравнительно мало. В 1930-х годах это отношение еще более углубилось. Случайно выпустили, и то очень маленькими тиражами, например, А. Толстого и Шолохова. О модернистской поэзии 20-х годов было написано буквально несколько слов энтузиастами, но финских переводов поэзии, кроме редких исключений, сделано не было.³

Русскую эмигрантскую литературу в тогдашней Финляндии почти не знали, хотя в стране существовало русское эмигрантское общество со своей культурой и, например, своими отличными библиотеками, которые приобретали и новую эмигрантскую литературу. Но возможность переводов даже не обсуждалась. Русские эмигранты в Финляндии жили своей изолированной жизнью почти без контактов с финской культурой и ее деятелями, а значит, и с издательствами. Причины для этой изоляции были в первую очередь политические. От всего русского хотели «освободиться».⁴

Новая русская литература в довоенной Финляндии видится в целом бедной и случайной. Из литературы XX века хорошо известен был только Горький. Он был чрезвычайно популярен в начале XX века, но и он потерял своих друзей и поклонников среди финской либеральной интеллигенции после революции.⁵ Следует все-таки помнить, что в других скандинавских странах интерес к новой русской литературе был столь же слабым, но Финляндия была настроена более агрессивно. Например, в Эстонии интеллигенция интересовалась русской культурой даже во время «буржуазной» Эстонии совсем на ином уровне, чем культурные круги на другом берегу Финского залива. Эстонские модернисты легко нашли своих русских единомышленников, которых

---

² О восприятии советской литературы в Финляндии см. Pesonen (1978).

³ См., например, Raavolainen (1929, 196–225), где представлены «три больших русских революционных поэта» и Parland (1970 [1929], 156–166, 222–227), который в одной из первых западных статей о русских формалистах использовал поэзию Маяковского в качестве примера. *Скифы* А.А. Блока были переведены финским поэтом Yrjö Jylhä для антологии *Slaavilaisten kirjallisuuksien kultainen kirja* (1936, 342–343).

⁴ О русских эмигрантах и их культуре в Финляндии см. Baschamakoff & Leinonen (2001).

⁵ О восприятии Горького в Финляндии см, Карху (1990 [1972], 276–284).

финны и до сих пор не обнаружили. Может быть, и эта странная ситуация объясняется политикой.⁶

Послевоенное время изменило в Финляндии все, включая финско-советские культурные отношения, положение, издание и восприятие советской литературы. Было основано Общество Дружбы, аполитичная народная, демократическая организация, которая аполитично, с экономической помощью финской компартии, основала свое издательство *Народная Культура (Kansankulttuuri)*, которое сосредоточилось на переводах литературы соцстран. Это издательство оказывало сильное влияние на публикацию советской литературы в течение всего своего существования до своего банкротства в начале 80-х годов.⁷

На развитие культурных контактов повлияло общее финское политическое положение. Компартия перестала быть подпольной, на первых послевоенных выборах она получила 25% голосов, ее представители сидели в первый раз в финской истории в правительстве и т.д. «Фашистские» организации в Финляндии запретили, антисоветская пропаганда полукриминализировалась, и военных преступников, в том числе президента и членов правительства военного времени, судили.

После вражды началась дружба с Советским Союзом, которую начали создавать и с помощью художественной литературы. Ее начали издавать не только маленькие левые издательства, но и большие «буржуазные». Период с 1945-ого по конец 1950-х годов является и до сих пор непревзойденным золотым веком в истории публикации советской литературы в Финляндии. Из всей переводной литературы в Финляндии ее доля тогда составила 10–15%, а в 60–70-х годах – 1–2% и в последнее время только один процент, если не меньше.

Что переводили в 40-х годах? Перечислю в алфавитном порядке: например, произведения Бека, Гладкова, Горького, Гроссмана, Инбер, Катаева, Каверина, Леонова, Островского, Паустовского, Пановой, А. Толстого, Шолохова и Эренбурга. Это означает, что классики советской литературы стали, в принципе, доступными финскому читателю. Конечно, насколько этих классиков действительно читали, еще вопрос. С другой стороны, существует много очень трогательных историй, мемуаров о том, как эти произведения изучались в разного рода кружках народного самообразования одновременно с анализом проблем мира и прогресса, и условий создания будущей социалистической Финляндии, которая ведь почти родилась в 1948-ом году.⁸

Одним из серьезных результатов переводческой работы в конце 40-х годов является антология русской поэзии, которая была подготовлена

---

⁶ О восприятии русской поэзии в Эстонии см. Исаков (1996).

⁷ Об истории Общества дружбы см. Kinnunen (1998).

⁸ О разных толкованиях истории Финляндии того времени см. Jussila (1990).

филологами и поэтами совместно. Основные и почти единственные финские переводы Пушкина и Лермонтова до сих пор находятся в этой антологии рядом с военными стихотворениями Долматовского, Симоннова, Твардовского и пр.⁹

Надо, конечно, помнить, что в послевоенные десятилетия в Петрозаводске перевели на финский язык почти «всю» русскую поэзию в ее богатстве, как и десятки, может быть, даже сотни прозаических произведений. Они публиковались издательством *Прогресс* и журналом *Луналиппу* (Красное знамя). Я не буду рассматривать эти переводы и их историю, потому что их нельзя, строго говоря, считать финскими. Выбор произведений был осуществлен по советским стандартам. Эти переводы продавали и даже читали в Финляндии в просоветской культурной атмосфере 1970-х годов, к чему я вернусь позже. Эта атмосфера оправдывала даже тот петрозаводский, для финского уха устаревший и очень часто смешной финский язык, который для критического читателя существенно мешал адекватному их восприятию.

В 1950-х годах интерес к советской литературе сильно упал среди финских издательств. *Народная культура* сосредоточилась прежде всего на политической литературе, а крупные издательства художественной не интересовались. Начиная с 1950-х годов, они обращались к советской литературе, только если это было связано с шумными сенсациями на Западе. Роль больших русских современных романов в Финляндии в 1950-х годах играли *Не хлебом единым* Дудинцева и *Доктор Живаго* Пастернака.

Роман Дудинцева был центром бурного внимания, его обсуждали даже во внутренних спорах финской компартии. Ее более либеральная фракция хотела с помощью этого романа показать, что Советский Союз развивается в сторону более открытого и истинного социализма. Особенно за Дудинцева и его роман выступал «финский Маяковский», отличный рабочий поэт и хороший переводчик Маяковского, Арво Туртиаинен. Его интерес дошел и до Пастернака, вместе с финской поэтессой Хелви Ювонен он перевел стихи из *Доктора Живаго*, которые были включены в финский перевод романа. Сам роман был переведен сразу после его опубликования в Италии и стал настоящим бестселлером. И до сегодняшнего дня он является самым продающимся русским романом этого века в Финляндии. Популярность его объясняется прежде всего политикой и поднятым вокруг него шумом. Роман читали как политический текст, а другие его достоинства при первом восприятии почти не заметили. До *Доктора Живаго* в Финляндии ничего не знали о Пастернаке и до сих пор большинству финской читательской аудитории неизвестно, что Пастернак был и поэтом. Уже в

---

⁹ См. *Venäjän runotar* 1946.

1950-х годах это обстоятельство стало своего рода парадоксом, потому что одновременно с шумом вокруг *Живаго* в финских литературных кругах обсуждали и финские переводы Паунда, Элиота, французской и немецкой современной поэзии, но русского модернизма, кроме Маяковского, не знали. На место Маяковского, как самого известного русского поэта прошлого века стал претендовать только Евтушенко. Первый сборник переводов его стихов вышел в свет в 1963-ем году, но позже появилось еще три. В сборники переводов русских поэтов до сих пор входили, кроме Евтушенко, только стихи Ахматовой, Пастернака, Мандельштама и Бродского. Политика? Безусловно, но для Финляндии и невежество, и глупость.

Шум вокруг Пастернака в конце 1950-х годов в Финляндии во многом напоминал общее восприятие *Живаго* на Западе, но этот процесс имел свои финские политические особенности. Конец 50-х годов известен в финско-советских отношениях как период «ночных заморозков». На выборах в парламент в 1958-ом левые получили большинство в первый раз после 1917-ого года. «Союз Народных Демократов», т.е. Компартия стал самой большой партией. Несмотря на это, в Финляндии было создано правительство из членов буржуазных партий. Советский Союз вмешался в дело, его представитель посетил премьер-министра и президента, появились ноты и заявления, что в Финляндии слишком много публикуют антисоветской литературы, на нее обращают слишком много внимания и что все это сказывается невыгодным образом на положении Финляндии как нейтральной страны. Под антисоветской литературой имели виду не только Пастернака, но и мемуары о сталинском времени и лагерях тогда уже бывших финских коммунистов. Особенный гнев вызвало документальное произведение финского писателя Юрье Сойни (Soini 1956) о суде над военными преступниками в 1946-ом году. Писатель изобразил финских вождей военного времени мучениками, а судей – предателями, озаглавив свой роман *Подобно Петру у костра*. Начиная с этого процесса, финское правительство конца 50-х годов начало реагировать – чаще всего по инициативе советских сил – на культуру и литературу. От них требовалось изображение действительности в духе нейтралитета и дружеских отношений с Советским Союзом. Начался тот процесс, который на Западе часто называли «финляндизацией».

Рассматривая переводы и публикации русской литературы прошлого века в Финляндии в течение 60-х годов, трудно видеть в них только финляндизацию. Интерес к новой литературе не ограничивался исключительно Евтушенко. Современную литературу того времени переводили не мало: мемуары Эренбурга и Паустовского, произведения Бакланова, Тендрякова, Бондарева, Казакова и Шукшина. В 1960-х годах на финский язык перевели и основные произведения русской мо-

дернистской прозы, начиная с *Петербурга* Белого, *Мы* Замятина до Олеси, Бабеля и Булгакова. Перевод *Мастера и Маргариты* сразу в конце 60-х годов сильно ускорил этот процесс. Интересно, что и этих писателей считали прежде всего советскими. Финская левая либеральная интеллигенция с удовольствием подчеркивала, что и такая литература возможна в Советском Союзе и что на самом деле идеологическая и стилистическая многосторонность для лучшей советской литературы более типична, чем социалистический реализм.

Суды над писателями в СССР в середине 60-х годов широко обсуждались в прессе, но это привело только к одному переводу – *Суд идет* Терца/Сиявского. Начиная с середины 60-х годов, финская левая интеллигенция разделилась в своем отношении к Советскому Союзу, особенно после чехословацких событий. Финская компартия раскололась в принципе на две фракции уже в 1966-ом году, после чего стали говорить о западно-ориентированном большинстве и просоветском меньшинстве. Но в культурных вопросах просоветски вели себя почти все политические силы, фразы о дружбе повторялись во внешнеполитической дискуссии, но их полную адаптацию проводили только представители меньшинства компартии, в том числе и в своих культурно-политических лозунгах и декларациях.¹⁰

Судьба произведений Солженицына в Финляндии являет собой самый яркий пример давления политики на литературу.¹¹ Делом Солженицына в Финляндии занимались самые высокие государственные сферы, начиная с президента и премьер-министра. Вокруг *Ивана Денисовича*

---

¹⁰ Об истории финской компартии в это время см. Paastela (1991), Leppänen (1999).

¹¹ О процессе переводов творчества Солженицына на финский язык и особенно *Архипелага Гулаг* и до сих пор существует противоречивая, информация. Тогдашний директор издательства *Тамми* Ярл Хеллеман объяснил историю вокруг «Гулага» в первый раз более открыто в своей статье в газете *Helsingin Sanomat* 29.9.1991 и в более точном варианте в своей книге Helleman (1999, 248–270). В 1970-е годы в финской прессе дело Солженицына бурно обсуждали, причем точки зрения сильно отличались друг от друга – или защищали советскую официальную «правду», или резко критиковали финскую самоцензуру в духе финляндизации. Типичными примерами первого типа позиции были, например, статьи идеолога компартии Рауно Сетяля (Setälä 1974). Может быть, самую бурную дискуссию возбудила статья Лилиуса «Финская самоцензура» (Lilius 1975). В ней активно участвовал и автор всех финских переводов Солженицына, даже опубликованных в Швеции, Эса Адриан. Творчество Солженицына в Финляндии широко обсуждали в те годы в западной прессе. Интересно, что в Советском Союзе о нем почти полностью молчали, хотя финская коммунистическая пресса в то время активно реагировала на антисоветскую финскую пропаганду. Об истории финляндизации в Финляндии написано отличное исследование профессором русской истории Т. Вихавайненом (Vihavainen 1991). Самым полным исследованием переводов «Гулага» и дискуссии вокруг них пока является дипломная работа, защищенная на отделении истории Хельсинкского университета (Ylinen 1994).

шел только разговор, но уже норвежская экранизация повести была запрещена в начале 70-х годов как антисоветская пропаганда. *Раковый корпус* и *В круге первом* были опубликованы в переводах в 1968-ом и 1970-ом годах и пробудили длинный и бурный разговор в финской прессе. Особенно активно в этом разговоре участвовали представители разных фракций финской левой интеллигенции. Типичным для финского обсуждения было то, что в нем главенствовал вопрос о гуманном социализме, и Солженицына вовсе не считали врагом коммунизма, у него искали именно «социализм с человеческим лицом». (Это истинное лицо искал в одной из первых своих опубликованных рецензий и некий первокурсник Песонен (Pesonen 1970). Эта деталь важна для контекста этого обзора.)

Август 14-ого в Финляндии вышел в свет еще официально в 1973-ем году, хотя от финской стороны настойчиво требовали запрещения публикации перевода. Когда вышел роман, идеологическая борьба вокруг Солженицына уже бурно шла.

Настоящий трагифарс вокруг издания переводов Солженицына начался с *Архипелага Гулага*. Издававшее раньше произведения Солженицына финское издательство *Тамми* (Tammi) отказалось от публикации *Архипелага*, хотя уже существовал готовый перевод первого тома. Как стало известно позже, и то больше по слухам, в дело вмешался тогдашний премьер-министр Финляндии (бывший сотрудник названного издательства) Калеви Сорса после разговора с президентом Кекконеном. Последнего посетил лично посол Советского Союза и потребовал запрещения публикации во имя нейтралитета Финляндии и дружеских отношений. Кекконен готовился к проведению большого всемирного конгресса по безопасности, который, как известно, состоялся в 1975-ом году, и хотел все отношения сохранить в мире. Факты этого процесса до сих пор официально не вполне известны, документов мало, и мало кто из участников процесса сегодня признает свое участие. Но даже если то, что уже известно, является правдой, процесс можно назвать грустной главой в истории финляндизации.

Фарс продолжался. Первый том финского перевода (тома 1–2) *Гулага* был издан в Швеции шведским издательством (*Wahlström & Widstrand*) в 1974-ом году и скоро появился в продаже почти во всех финских книжных прилавках, причем некоторые прогрессивные магазины отказались от продажи. Остальные тома (3–7) были изданы уже в Финляндии маленьким издательством *Kustannuspiste* (1976–78), которое и в самом деле специализировалось на настоящей антисоветской литературе. Но, хотя весь *Гулаг* был доступным в Финляндии в переводе, о нем было написано сравнительно мало и осторожно. Его и продавали значительно меньше, чем *Раковый корпус* и *В круге первом*, которые были бестселлерами.

Отказавшееся от *Гулага* издательство *Тамми* начало издавать Солженицына в начале 80-х годов, первый том *Красного колеса* вышел в 1985-ом году. Его маленький тираж разошелся, никакого шума вокруг него не было, и остальные тома *Колеса* больше не переводили, но теперь больше не из-за идеологических и политических причин, а из чисто экономических.

В 1975-ом году несколько больших финских издательств создали совместный проект: серию «Советская литература».¹² Она имела красивую политическую цель – распространять советскую литературу в Финляндии, публиковать ее больше, чем раньше, и сосредоточиться на «хорошей» советской литературе. Диссидентская и эмигрантская литература никак не могла считаться хорошей в требуемом смысле слова. Изданные в ней книги имели одинаковую обложку и логотип. Благодаря этой серии за все время ее существования (10 лет) в Финляндии вышло в 2–3 раза больше переводной советской литературы, чем раньше, т.е. по 10–15 томов в год (в начале предприятия, потом чуть меньше). Это много, если сравнивать это число с количеством переводов хорошей литературы из Франции, Германии или даже Швеции.

Всего в серии вышло почти сто томов. Они не все плохие. Самым любимым писателем, если считать по количеству изданных книг, являлся прежде всего Айтматов, но и Абрамов с Шукшиным, Распутиным и Трифоновым. Основной облик серии был серьезно-реалистическим. Новую и экспериментальную прозу, начиная с Битова, начали издавать мало-помалу, но вскоре от их публикации в этой серии отказались. Может быть, и правильно. Публикация в ее рамках постепенно стало тягостью для изданного в нем произведения и писателя. «Советское означает неинтересное», считали многие, и часто зря.

В рамках серии было издано и четыре тома «Советской лирики» (*Neuvostolyriikkaa*). Они были подготовлены в сотрудничестве с филологами и поэтами и содержали таких классиков «советской» поэзии как Блока, Брюсова, Есенина, Ахматову, Мандельштама, Пастернака, Цветаеву, Заболоцкого, даже Хармса, но и Демьяна Бедного, Багрицкого, Симонова, Твардовского и т.д. Редакторы стремились к полноте картины русской поэзии прошлого века. До современных поэтов, даже до Евтушенко, так и не дошли. Посторонний наблюдатель вполне справедливо мог предполагать политические причины для ее прекращения, но, как один из участников работы над ней могу утверждать, они были более банально бытовыми, нежели идеологическими или политическими.¹³

В 1970-е годы советская культура цвела в Финляндии. Каждый вто-

¹² Об истории этой серии см. Jänis & Pesonen (2007b, 466–468).

¹³ См. *Neuvostolyriikkaa I–IV* 1975–1986.

рой год ВААП и финские издательства организовывали неделю советской литературы с большой выставкой и известными писателями-гостями. Недели открывались министрами, а один раз даже самим президентом Кекконеном. В числе гостей-писателей были самые известные имена своего времени, кроме диссидентов, конечно.

На восприятие советской литературы и культуры сильно повлияла культурная атмосфера того времени, для которой было типичным то, что практически все культурные организации были около 10 лет в руках просоветских коммунистов, которых называли сталинистами.¹⁴ Название, может быть, не самое точное, но поскольку участники этого движения, как будто шутливо, часто называли себя этим именем, пусть ими и останутся. В числе этих сталинистов на культурную жизнь оказывали воздействие именно студенты и писатели, а также художники. Их просоветские взгляды и требования звучали везде. В этом движении участвовало большое количество весьма одаренных людей. Большинство из них позднее предало свои бывшие идеалы и теперь осталось только похмелье от всего испытанного и сделанного. Финская интеллигенция того времени была в европейском масштабе исключительно просоветской. Конечно, не вся финская интеллигенция повторяла одни и те же фразы. Но с точки зрения слависта положительным во всем этом ужасе было то, что русскую культуру и ее пропаганду поддерживали, о ней говорили, и с размахом писали. Русист-литературовед, если он этого хотел, мог полностью заполнить свои дни семинарами общекультурного типа, выступлениями, интервью и т.д. Для споров и борьбы за свое дело оказалось много возможностей, можно сказать, на всю жизнь. Говорю по личному опыту, более не от похмелья, но и не забывая его.

В 1980-е годы положение советской литературы в Финляндии резко изменилось. Интерес к ней ослабел вместе с ослаблением политического интереса. Издательства издавали русскую литературу все меньше, но больше уделяя внимание выбору именно лучшей литературы. Уже названное коммунистическое издательство обанкротилось, но на его останках возникло новое издательство *SN-kirjat* (т.е. книги Финляндии и Советского Союза). Оно верило в силу перестройки и издало *Плаху* и *Белые одежды*. *Дети Арбата* были изданы издательством, где переводили Солженицына. Старики пропагандисты перестройки совершали турне по Финляндии, но без большого успеха. Первоначально и в финской критике были попытки зачислить *Плаху* в первый ряд русской литературы 20-ого века вместе с *Живаго* и *Мастером и Маргаритой*.

---

¹⁴ Наряду с кличкой «сталинист» употребляли «taistolainen», созданное на основе имени вождя просоветского меньшинства компартии в 1970-е годы Taisto Sinisalo. Об истории этого движения среди молодежи см. Rentola (1990).

Первым ее сбросил оттуда один из ведущих критиков-коммунистов 70-х годов. И сделал он это по эстетическим критериям. Это – одно из событий финской перестройки по отношению к советской литературе. Интерес к первым художественным произведениям перестройки быстро упал.

Вплоть до конца Советского Союза новейшая русская литература интересовала только маленький, можно даже сказать, элитный круг читателей. Большие издательства почти перестали издавать новую русскую художественную литературу. То, что они публиковали, трудно считать советской: Битов, оба Ерофеева, Евг. Попов, Сорокин, Пелевин, Толстая, Петрушевская, Улицкая, антология поэзии авангарда 70-х–80-х годов. Это неплохой отбор. Если попытаться назвать самого популярного писателя последних лет, то Евг. Попов выигрывает у Битова и Пелевина с разницей в одно произведение (5–4). Сорокина, который в данный момент является, может быть, самым популярным русским писателем на Западе, перевели пока только три тома. Восприятие произведений этих писателей было почти исключительно положительным. Может показаться, что все обстоит хорошо, и у новейшей русской, самой лучшей, литературы в Финляндии впереди светлое будущее. Не совсем.

В течение последних лет этого тысячелетия русскую литературу переводили в количестве 1–3 романа в год. Перевели несколько томов Сорокина, Пелевина, Улицкой, Марининой и Акунина – последних без успеха и в критике, и в продаже. Зато классиков любят, как всегда. В этом году выйдут в свет первые тома большого проекта – новых переводов всех романов Достоевского.

Судьбы переводчиков русской литературы предыдущих десятилетий интересны и трагичны. Может быть, самый лучший из них, Эса Адриан умер в прошлом году – последние годы своей жизни он переводил, что ему предлагали, последний его труд – книга о Жириновском. Получается, что только политика спасает переводчиков, а вместе с ними и положение русской литературы в Финляндии и вообще на Западе. Может, у Путина есть роман, а Медведев пишет стихи? Даже если так, то надо все-таки помнить, что в самой финляндизированной Финляндии 1970-х годов все издательства отказались от издания мемуаров Брежнева, хотя ВААП их несколько раз рекомендовало как самую интересную новую литературу. А про Путина пока вышел только перевод небольшой книги М. Берга *Письмо президенту* (2006).

Адрес электронной почты автора: pekka.pesonen@helsinki.fi

Литература

- Карху, Е.Г. 1990 [1972]. *История литературы Финляндии*. Ленинград: Наука.
- Исаков, С.Г. 1996. *Русские в Эстонии 1918–1940. Историко-культурные очерки*. Тарту: Компю.
- Baschmakoff, Natalia & Marja Leinonen. 2001. *Russian Life in Finland 1917–39. A Local and Oral History*. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies.
- Helleman, Jarl. 1999. Tapaus Solženitsyn. *Kustantajan näkökulma. Kirjoituksia kirjallisuuden reunalta*. Keuruu: Otava.
- Hellman, Ben (ed.). 2008. *Puškinista Peleviniin. Venäläisen kaunokirjallisuuden suomennosten bibliografia*. Helsinki: Department of Slavonic and Baltic languages and literatures.
- Jussila, Osmo. 1990. *Suomen tie 1944–1948: miksi siitä ei tullut kansandemokratiaa*. Porvoo–Helsinki–Juva: WSOY.
- Jänis, Marja & Pekka Pesonen. 2007a. Venäläinen kirjallisuus. *Suomennoskirjallisuuden historia 2*. Toim. H.K. Riikonen & al. Helsinki: SKS.
- Jänis, Marja & Pekka Pesonen. 2007b. Neuvostokirjallisuutta-sarja. *Suomennoskirjallisuuden historia 1*. Toim. H.K. Riikonen & al. Helsinki: SKS.
- Kinnunen, Kaisa. 1998. *Suomi–Neuvostoliitto-seuran historia 1944–1974*. Jyväskylä: Suomi–Venäjä-seura.
- Leppänen, Veli-Pekka. 1999. *Kivääri vai äänestyslippu? Suomen kommunistisen puolueen hajaannus 1964–1970*. Helsinki: Edita.
- Lilius, Carl-Gustaf. 1975. Suomalainen itsesensuuri. *Kanava 1*. 22–28.
- Neuvostolyriikkaa I–IV*. 1975–1986. Toim. Natalia Baschmakoff, Pekka Pesonen, Raija Rymin. Tammi: Helsinki.
- Paastela, Jukka. 1991. *The Finnish Communist Party in the Finnish Political System 1963–1982*. Tampere: Tampereen yliopisto.
- Paavolainen, Olavi. 1929. Venäläisiä vallankumousrunoilijoita. Block–Majakovski–Jessenin. *Nykyaikaa etsimässä. Esseitä ja pakinoita*. Helsinki–Otava.
- Parland, Henry. 1970 [1929]. Den modernistiska dikten ur formalistisk synpunkt. *Sägin-teannat. Samlad prosa 2*. Red. & komm. av Oscar Parland. Helsingfors: Söderströms.
- Pesonen, Pekka. 1970. Totuuden etsijät ja löytäjät. *Suomenkieliset Tietosanomat 1*. 12–16.
- Pesonen, Pekka. 1978. Neuvostokirjallisuus. Kääntämisen ja tunnetuksi tekemisen vaiheet. *Neuvostoliittoinstituutin julkaisuja B*. 178–193.
- Pesonen, Pekka. 2003. Lähellä ja kaukana. Venäläisen kaunokirjallisuuden kääntösten vaiheista. *Nerontuotteita maailmalta. Näkökulmia suomennosten historiaan*. Toim. Pirkko Lilius ja Hanna Makkonen-Craig. Helsinki: MonAKO.
- Rentola, Kimmo. 1990. Nuortaistolaisuuden synty. *Politiikka 4*. 243–260.
- Setälä, Rauno. 1974. Tapaus Solženitsyn. *Kulttuurivihkot 2*. 51–57.
- Slaavilaisten kirjallisuuksien kultainen kirja*. 1936. Toim. V.K. Trast. Helsinki: WSOY.
- Soini, Yrjö. 1956. *Kuin Pietari hiilivalkealla. Sotasyyllisyysasiain vaiheet 1944–49*. Helsinki: Otava.
- Venäjän runotar. Valikoima venäläistä lyriikkaa*. 1946. Toim. V. Kiparsky ja Lauri Viljanen. Helsinki: Otava.
- Vihavainen, Timo. 1991. *Kansakunta rähmällään. Suomettumisen lyhyt historia*. Helsinki: Otava.
- Ylijoki, Minna. 1994. *Vankileirien saaristo – «suomettumisen kukkanen»*. Suomen historian pro gradu -työ. Helsingin yliopisto.